

УДК 821.161.1-34.09
DOI 10.25587/SVFU.2022.18.89.002

Г. З. Имаева

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

СЮЖЕТНЫЙ ТИП 161А* «МЕДВЕДЬ НА ЛИПОВОЙ НОГЕ»: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. В статье рассматриваются русские волшебные сказки сюжетного типа 161А*. Среди отмеченных в СУС («Сравнительном указателе сюжетов: Восточнославянская сказка») текстов к сюжетному типу 161А* принадлежит двадцать один вариант. Актуальность темы исследования определяется тем, что архетипический образ медведя занимает важное место в духовном наследии народов России, а также необходимостью обращения к жанрам народного творчества древнего населения России. В результате анализа текстов в научный оборот введен еще один текст сюжетного типа 161А*. Новизна работы определяется тем, что впервые анализу подвергаются все русские варианты сказочного сюжета. Цель статьи – изучить русские сказки сюжетного типа 161А* «Медведь на липовой ноге». Исходя из цели, перед работой ставятся следующие задачи: на основе сравнительно-типологического изучения выявить типологические особенности и своеобразие русских сказок сюжетного типа 161А* «Медведь на липовой ноге», проанализировать их сюжетный состав, показать их взаимосвязь с другими жанрами фольклора. Методы исследования: основополагающим принципом подхода к материалу является комплексный метод, включающий сравнительно-исторический, структурно-типологический, текстологический, поскольку изучение типологии контактных связей в фольклоре, во всем многообразии и во всей сложности современной проблематики, невозможно без самого широкого и систематического сравнительного анализа. Основные выводы: в статье показано, что структура сказок, включающих в свое повествование архетипический образ медведя, многоаспектна и включает четыре пласта: представления о медведе как тотеме; период отмирания культа животных, когда в сказках появляется ироническое изображение повадок животных, в частности медведя; мир животных в сказках воспринимается как иносказательное изображение человеческого; жанровое пограничье, когда границы сказки размываются, и она, например, переходит в быличку или детскую страшилку. В результате длительного периода существования сюжета 161А* сказка о медведе на липовой ноге превратилась в схематичный пересказ, завершаясь на манер детских страшилок или даже колыбельных. Кроме того, сказка связана с миром мертвых или иной силой, которую представляет медведь или заменяющий его персонаж. В частности, в некоторых вариантах с сюжетным типом 161А* контаминируется сюжетный тип 366А* «Отрубленный у умершей палец с перстнем». Перспективы исследования связаны с дальнейшей разработкой темы, с включением материалов литературных обработок сказочного сюжета.

Ключевые слова: сказка о животных; «Медведь на липовой ноге»; контаминации сюжетных типов; история сюжета; сравнительно-типологическое изучение; тотем; быличка; детская страшилка; колыбельная песня; связь с миром мертвых.

ИМАЕВА Гульнара Зайнетдиновна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Московского финансово-промышленного университета «Синергия», Москва, Россия. ORCID: 0000-0002-8668-6327.

E-mail: imaevagulnaraz@mail.ru

IMAEEVA Gulnara Zainetdinova – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Language and Literature of the Moscow Financial and Industrial University “Synergy”, Moscow, Russia. ORCID: 0000-0002-8668-6327.

E-mail: imaevagulnaraz@mail.ru

G. Z. Imaeva

Moscow Financial and Industrial University “Synergy”

Plot type 161A* “Bear on a fake leg”: tradition and modernity

Abstract. Russian fairy tales of the plot type 161A* are analyzed in the article. Among the texts marked in the index of “Comparative index of plots: East Slavic fairy tale”, twenty one variants belong to the plot type 161A*. The relevance of the research is determined by the fact that the archetypal image of the bear is of great importance in the spiritual heritage of the peoples of Russia, as well as the need to turn to the genres of folk art of the ancient population of Russia. As a result of the analysis of texts another text of the plot type 161A* was introduced into scientific research. The novelty of the work is determined by the fact that for the first time all Russian versions of the fairy-tale plot are analyzed. The purpose of the article is to study Russian fairy tales of the plot type 161A* “Bear on a fake leg”. The following tasks are set: on the basis of comparative typological study to identify typological features and originality of Russian fairy tales of the plot type 161A* “Bear on a fake leg”, to analyze their plot composition, to show their relationship with other genres of folklore. Research methods: the fundamental principle of the research is comprehensive method, including comparative-historical, structural-typological, textual, since the study of the typology of contact relations in folklore, in all the diversity and complexity of modern problems, is impossible without the widest and systematic comparative analysis. Main conclusions: the article shows that the structure of fairy tales that include the archetypal image of a bear in their narrative is multidimensional and includes four layers: the idea of a bear as a totem; the period of animals cult death, when an ironic description of animals habits, in particular a bear, appears in fairy tales; the world of animals in fairy tales is perceived as an allegorical image of a human; genre borderline, when the boundaries of a fairy tale are blurred, and it, for example, transforms into bylichka or children’s horror story. As a result of the long period of existence of the plot 161A* the tale of the bear on the lime leg turned into a schematic interpretation, ending in children’s horror stories or even lullabies. In addition, the fairy tale is related to the world of the dead or another force represented by a bear or a character replacing it. In particular, in some variants with the plot type 161A*, the plot type 366A* “A finger with a ring cut off from the deceased” is contaminated. The prospects of the research are referred to the further development of the topic with the inclusion of materials of literary works with this plot.

Keywords: fairy tale about animals; “Bear on a fake leg”; contamination of plot types; the story of the plot; comparative typological study; totem; bylichka; children’s horror story; lullaby; connection with the world of the dead.

Введение

Актуальность темы исследования определяется тем, что архетипический образ медведя занимает важное место в духовном наследии народов России, а также необходимостью обращения к жанрам народного творчества древнего населения России: верованиям, быличкам, сказкам, детским страшилкам.

Изучением данного сюжета, насколько нам известно, специально не занимались. Есть лишь небольшой абзац в книге В. П. Аникина «Русская народная сказка», где ученый отмечает, что происхождение сказки чисто восточнославянское [1, с. 196]. Н. М. Ведерникова в книге «Русская народная сказка» пишет о ее происхождении: «Сказку о медведе, который с угрожающей песней “Скрипи нога, скрипи, липовая...” идет расправиться со стариком и старухой, ученые выводят из обычая обрядового поедания частей священного животного» [2, с. 75]. Г. В. Медведева в диссертационном исследовании «Медвежий культ и отражение его в устной народной прозе русских старожилов Восточной Сибири: семантика, сюжетно-мотивный фонд нарративов, номинации», рассматривая мотив чудесной липы в связи с медведем, упоминает и о русских сказках о медведе на липовой ноге [3, с. 154]. Также автор обращает внимание на такие особенности медвежьего культа, как поедание различных частей медведя, культ медвежьей лапы и на мотив обрастания медвежьей шерстью [3, с. 154].

Цель статьи – изучить русские сказки сюжетного типа 161A* «Медведь на липовой ноге». Исходя из цели, перед работой ставятся следующие задачи: на основе сравнительно-типологи-

ческого изучения выявить типологические особенности и своеобразие русских сказок сюжетного типа 161А* «Медведь на липовой ноге», проанализировать их сюжетный состав, показать их взаимосвязь с другими жанрами фольклора.

Это сказочное повествование неизвестно в Западной Европе, происхождение его восточнославянское. В указателе СУС [4, с. 80] сюжетному типу 161А* принадлежит двадцать один вариант.

Сюжетный состав русских сказок типа 161А* «Медведь на липовой ноге»

Всего мы обнаружили 16 русских вариантов сказочных сюжетов. Однако, не везде основным персонажем является медведь, которому старик отрубает лапу. В некоторых вариантах это волк [5, с. 54; 6, с. 125–126; 7, с. 102–104], а в одном варианте это вообще человек (кислая кума) [8, с. 87–88].

Сюжет сказки незамысловат. Старик отрубает ногу спящему медведю. Медведь делает себе липовую ногу, ночью приходит в дом и съедает своих обидчиков. Более поздние варианты сказки избавляют мужика и бабу от смерти.

Всего в сказках сюжетного типа «Медведь на липовой ноге» мы выделили восемь мотивов:

- 1) описание жизни старика и старухи до встречи с медведем;
- 2) встреча старика с медведем; старик отрубает ему лапу;
- 3) возвращение старика домой;
- 4) что сделала старуха с лапой медведя;
- 5) медведь в доме у старика и старухи; действия медведя после того, как он обнаружил недостачу;
- 6) песня медведя;
- 7) действия старика и старухи в ожидании медведя (убийство медведя);
- 8) финал.

Первый мотив – «Описание жизни старика и старухи до встречи с медведем». Наиболее употребительными являются следующие зачины: «Жил-был старик (со старухою)» или старичок, «жил-был дед и баба». В них констатируется сам факт существования старика и старухи.

Далее следует второй мотив – «Встреча старика с медведем; старик отрубает ему лапу». Этот мотив в большинстве сказок описывается одинаково. Но есть сказки, где функции медведя выполняет волк [5, с. 54; 7, с. 102–104]. В варианте из сборника П. А. Бессонова [9, с. 119–121] лапу медведю отрубает не старик, а старуха. В другой сказке отрубают лапу медведю мужики [8, с. 87–88]. В варианте из сборника Д. М. Балашова Пресная кума отрубает палец с перстнем Кислой куме [10, с. 253–254]. В двух вариантах [11, с. 157; 6, с. 125–126] этот мотив отсутствует.

Третий мотив – «Возвращение старика (старухи) домой». В большинстве сказок события разворачиваются одинаково: «Старик домой приехал». В другом варианте [12, с. 166–168] мужики отрубают медведю лапу и привозят в село, а старуха выпрашивает лапу у них. В сказке из сборника В. К. Соколовой [7, с. 102–104] этот мотив отсутствует, волк приходит есть овечек.

Четвертый мотив – «Что сделала старуха с лапой медведя». В большинстве вариантов действия старухи описываются одинаково: «Шерсть отстригла, мясо сварила, сама села на кожу, кожу на печь и шерсточку прядь стала». В одном варианте [13, с. 109] немного отличается последовательность ее действий: «Она зажарила лодыжку, шерсть, сидит, прядет, мясо ест, а на шкуре сидит». В сказке из сборника И. Ваненко [4, с. 185–187] мотив описывается более подробно: «Шкурку с ноги сняла, шерсть с нея состригла, положила ногу в горшок, налила водой да в печь поставила, чтобы ей похлебка сварилася; шкурку разостлала на донце да села на нее, а шерстку начесала на гребень и принялася прядь». В другом варианте [6, с. 125–126] ко всем остальным добавлено еще одно действие: «Старуха медвежью шерсть прядет. Сидит

на медвежьей коже, да мясо ест». В варианте из сборника Д. К. Зеленина [14, с. 316–317] все действия выполняются совместно стариком и старухой: «*Старик выстриг лапу, снял кожу, начал варить мясо. Старуха сидит на медвежьей коже и прядет медвежью шерсть*». И в одном варианте [9, с. 119–121] старуха при этом поет песню: «*Обрадовалась баба: варит медвежье мясо в горшке, шкуруку ободрала, настригла шерсти, сама села на медвежью кожу, сидит да прядет шерстку, а сама припевает:*

*Добро, медведь,
Добро старый дед.
Я баба сижу,
Твою шкурку сушу.
Твое мясо варю.
Твою шерстку пряду,
Чулки свяжу,
Зимой поношу».*

И в сказке из сборника Д. М. Балашова [10, с. 253–254] Пресная кума варит отрезанный палец Кислой кумы.

В некоторых вариантах этот мотив отсутствует.

Пятый мотив – «Медведь в доме у старика и старухи». Действия медведя, когда он обнаружил недостачу». В сказках действия медведя похожи: медведь уходит в лес, приделывает себе липовую ногу, берет березовую клюку.

Сказочные варианты в основном описывают действия медведя (или волка) коротко: «*Вдруг приходит в полночь медведь...*» [8, с. 87]; «*Медведь на трех ногах припрыгал...*», «*Взошел медведь в сени...*» [13, с. 109]; «*Волк подошел к окну и кричит...*» [15, с. 48].

В варианте из сборника Н. К. Митропольской [6, с. 125–126] этот мотив расписан очень подробно, в нем медведь наделен человеческими качествами (речью): «... проснулся медведь, глядит – ногу-то отрезали. – Ох, нога липучая, скрипучая! Где моя нога? Побежал медведь. Бежит через все поселки, в окна заглядывает. Подбежал к поселку, где старик со старухой жили. Подбежал к их окну, заглянул в окно. Глядит, сидит старуха у прядки, медвежью шерсть прядет. Сидит она на медвежьей коже да медвежье мясо ест. – Вот где моя нога липучая, скрипучая! Ах ты, окаянная! Мясо мое еши, на моей коже сидишь, шерсть мою прядешь! Обрасти же ты сама медвежьей шерстью! – закричал медведь и убежал в лес».

В варианте, где роль медведя выполняет Кислая кума, она выходит из могилы, поет «песню медведя» и идет наказать своих обидчиков [10, с. 253–254].

Шестой мотив – «Песня медведя». В большинстве сказок мотив передается одинаково и песни похожи:

*«Скырлы-скырлы-скырлы
На липовой ноге,
На березовой клюке,
На красном батоге,
По селам спят,
По деревням спят,
Одна баба не спит,
На моей коже сидит,
Мою шерстку прядет
Мое мясо варит
Мою кожу сушиш!»* [12, с. 166].

Но есть в разных вариантах и некоторые отличия.

В более поздних вариантах непонятные для современных слушателей слова «скырлы» или «скырлин» заменяются словами «скрепи» или «скрыпи».

В одном варианте медведь дает бабе оценку, называя ее смутьянкой:

«По селам спят
По деревням спят,
Одна баба не спит,
Смутьянка не спит,
На моей коже сидит
Мое мясо ест...» [11, с. 157].

В той же сказке в конце добавляется такая фраза: «... а я иду и бабу съем, съем ...» [Там же].

А в сказке из сборника И. А. Худякова песня немного другой, в ней присутствуют диалектные слова *строганный, комелярит*:

«Скрипти-скрипти нога,
Скрипти липовая,
Я по сеничкам шел,
По деревничкам шел,
Все людинки спят,
Все коровушки лежат,
Один строганный не спит,
На моей шкурке сидит,
Мою костку мнет,
Мою шерстку комелярит ...» [16, с. 298].

Седьмой мотив – «Действия старика и старухи в ожидании медведя».

В большинстве сказок мотивы схожи: медведь (в некоторых вариантах волк) находит хату старика и старухи, которые прячутся там.

Но есть и различия: «Старуха-та учала это да и говорит: Поди-ко ты, старик запирай двери те: медведь – от идет. Старик – от вышол на улицу да и говорит медведю-ту: Медведушко – братанушко! Ты возьми верх-от репки-то, а мне отдай исподь-от! – Ладно! – медведь-от говорит: он не знат толку-ту в репе, не понимат ничо. Старик стаскал домой репу-ту, а медведю оставил одну нетину» [14, с. 317] (в данном случае произошла контаминация сюжета с сюжетом «Дележ урожая» (АТ 1030), но она кажется органичной и художественно оправданной); «... эта старуха испугалась, убежала на полати. Медведь в избу зашел, стащил старуху с полатей за паневу, затащил в лес, посадил на пенек» [13, с. 109].

Необычно развитие действия в другой сказке: Медведь ходит к старухе и ест овечек, затем придумал хитрость и начал петь под окном старухи: «Выйдет старуха посмотреть, кто там поет хорошо, а медведь шасть к плетню, стибрит овицу, да и бежать в лес. Так вот и всех овец перетаскал» [17, с. 25].

Восьмой мотив – «Финал». В 9 сохранившихся вариантах медведя убивают. В 7 сказках из 16 медведь (волк) убивает старуху и старика. В одном варианте Кислая кума съедает Пресную куму [10, с. 253–254].

Связь сюжетного типа 161А* «Медведь на липовой ноге» с его этнографическими корнями и другими жанрами фольклора

В результате рассмотрения данных вариантов можно предположить, что структура сказок, включающих в свое повествование архетипический образ медведя, многоаспектна и включает четыре пласта, каждый из которых содержит комплекс архетипических и семантических представлений об этом концепте:

- первый пласт включает представления о медведе как тотеме;
- второй пласт связан с периодом отмирания культа животных, когда в сказках появляется ироническое изображение повадок животных, в частности медведя;
- третий пласт содержит слой, где мир животных в сказках воспринимается как иносказательное изображение человеческого;

- четвертый пласт – это слой жанрового пограничья, когда границы сказки размываются, и она объединяется с другими жанрами, например, переходит в быличку или детскую страшилку.

Характеризуя варианты **первого пласта**, можно процитировать слова В. П. Аникина: «Сказки отзываются нетронутыми древними поверьями. Медведь в конце сказки приходит в избу и съедает своих обидчиков. Он не оставил не отмщенной ни одной обиды. Он мстит по всем правилам родового закона: око за око, зуб за зуб. Его мясо намереваются съесть – и он ест живых людей, хотя известно, что медведи сами на людей нападают в редких случаях. Медведь в сказке предстает как вещее существо, знающее все и вся (он знает, где искать своих обидчиков). Близость сказочного изображения медведя к древним мифическим представлениям не подлежит сомнению» [1, с. 196].

В этой сказке, безусловно, доминирует глубокая архаика, восходящая к тотемному мифу, устрашающему людей. В сюжете медведь идет мстить за отрубленную лапу. Сказка «Медведь на липовой ноге» напоминает о запретах причинять вред тотемному животному. Люди терпят наказание за нарушение этого табу.

Особенно ярко показан в сказках этого типа страх перед тотемным животным.

Например, такой страх в сказке испытывает старуха: «*Наступила ночь; время подходит к полуночи; нога медвежья не уваривается, шерстка не выпрядается; не дремлется старухе, сон ее не берет; хочет она песенку затянуть, но и песенка не дается под лад, голос то и дело перерывается... Жутко стало старухе; неизвестно от чего, а стала ее дрожь пронимать. Чем ближе к полуночи, тем страшнее становится... И вот... Слышино – вдали, около лесу, воет кто-то жалобно. Вслушалась старуха – и принялась так дрожать, что зуб о зуб так и стукает... А голос все ближе и ближе становится... Вот уже кто-то около избы поет:*

“*Я по селам шел,
По деревням шел;
Уж и все-то люди спят,
Одна бабушка не спит,
На моей шкурке сидит,
Мою шерстку прядет,
Мою косточку варит!*”» [18, с. 186].

Сказка завершается смертью старухи, медведь откусывает ей голову.

В другом варианте [12, с. 167] подробно говорится об организованной мужиками охоте на медведя, так как от него житья не стало: так запугал народ, что бабы уже не смели в сумерки отойти от деревни. «*Начали мужики стрелять в медведя, но пули не вредили ему. Заревел медведь неблагим матом так, что по лесу гул пошел, а мужиков мороз по коже подрал*» [2, с. 185]. Только случайно им удалось отрубить ему лапу, которую выпросила старуха, к ней потом и приходит мстить медведь.

В «Пинежских сказках» [19, с. 203–207] вместо медведя фигурирует волк, которому отрубает лапу старуха. Волк приходит к ней и поет свою песню три ночи подряд. Страх нагнетается, когда старуха три раза поочередно слышит песню волка: «*Фу-фу-фу, все люди спят, вся деревня спит, одна бабушка живёт, мою шерстку пряёшь, пошивертываёшь, мое мясо варят, перевертываёшь...*». В первую ночь старуха сначала слышит скрип деревянной ноги волка («*Кичир да кычир, кычир да кычир*»), потом доносится песня волка, идущего по деревне. На вторую ночь она слышит песню, когда волк подходит к избе. На третью ночь он входит в избу, старуха прячется в печь, но своим чиханием выдает себя, и волк ее съедает.

Более поздние варианты сказки избавляют мужика и бабу от смерти. Несмотря на страх, испытываемый перед медведем, некоторые сказки заканчиваются тем, что старику со старухой удается убить зверя (чаще всего заманив его в подпол).

Иногда в сказках дается объяснение или оправдание такой жестокости. В варианте из сборника П. А. Бессонова [9, с. 119–121] медведь разоряет ульи, в «Пинежских сказках» [19,

с. 203–207] он задирает быка, в других записях таскает у мужика репу или пугает деревенских жителей.

В некоторых вариантах сам медведь выступает в качестве обидчика. В «Русских сказках Карельского поморья» [20, с. 173–174] старик идет в лес по дровам и случайно натыкается на медведя. Защищаясь, в честной борьбе, мужик отрубает ему топором лапу, в данном случае медведь мстит человеку без основания.

Иногда причинение вреда медведю оправдывается тяжелым материальным положением стариков, например, в варианте из сборника «Русский фольклор Удмуртии»: «Жили они, жили, и вот ничего не стало у них есть. Говорит старуха деду: “Дед, ведь у нас есть нечего!”». А старик отвечает: «Пойду-ка я в лес, наберу хоть шишек, кашу сварим» [5, с. 54]. Или в варианте из сборника «Фольклор русского населения Прибалтики»: «Жил-был дед и баба. Однажды баба захотела мяса. Денег нет, ничего нет. За что купить бабе мяса. Баба и говорит: “Иди, дедушка, пойди в лес”» [15, с. 48].

Однако, эти «вольности», вполне оправданные в художественном повествовании, не могут затмить хорошо сохранившуюся мифическую основу сказки.

В вариантах **второго пласта** показано, как с отмиранием культа животных сказка воспринимает ироническое изображение смешных повадок животных. Эти рассказы изображают зверей, а не людей, иносказательный смысл еще чужд этим рассказам.

Например, сказка из сборника Д. К. Зеленина «Великорусские сказки Пермской губернии» [14, с. 316–317] заключает в себе нигде больше по данным СУСа [4, с. 258] не отмеченную контаминацию двух сюжетов: «Медведь на липовой ноге» и «Дележ урожая» (AT 1030) или «Мне вершки, тебе корешки». Контаминация органичная, художественно оправданная. В данном варианте старик, застав медведя за воровством репы, бросает в него топор и отрубает ему лапу. Далее следует эпизод с липовой ногой, песней медведя, когда тот идет отомстить обидчикам. Старик, пытаясь задобрить медведя, предлагает поделиться урожаем. Медведь оказывается обманут и совсем не страшен.

Сказка из «Верхоянского сборника» И. А. Худякова [16, с. 298] заканчивается комически. Как только медведь, желая наказать своих обидчиков, переступает порог избы, старик громко «пускает ветры», от чего даже железное корыто надвое раскололось. «Эдакой сильный ... ердеж, Да и только!» – восклицает сказочник. Этим и завершается сказка. Страх перед медведем нивелируется. Вариант же из сборника «Великорусские сказки в записях И. А. Худякова» [13, с. 109] завершается присказкой в скоморошьем стиле: «Старуха сломила сук да его по лапам-то стук, стук! Он ушел и околел тут». В таких сказках такого типа медведь всегда одурачен и высмеян.

В сказках **третьего пласта** мир животных воспринимается как иносказательное изображение человеческого. В варианте из сборника Д. М. Балашова, например, медведь наделяется человеческими качествами: «... проснулся медведь, глядит – ногу-то отрезали. – Ох, нога липучая, скрипучая! Где моя нога? Побежал медведь. Бежит через все поселки, в окна заглядывает. Подбежал к поселку, где старик со старухой жили. Подбежал к их окну, заглянул в окно. Глядит, сидит старуха у прядки, медвежью шерсть прядет. Сидит она на медвежьей коже да медвежье мясо ест. – Вот где моя нога липучая, скрипучая! Ах ты, окаянная! Мясо мое еши, на моей коже сидишь, шерсть мою прядешь! Обрасти же ты сама медвежьей шерстью! – закричал медведь и убежал в лес» [10, с. 253–254]. А в сказке из сборника П. А. Бессонова медведь испытывает те же чувства, что и человек: «Обидно стало медведю ...», сделал он себе липовую ногу, как пришла ночь, побрел к избушке на деревяшке, клюкою подпирается [9, с. 119–121]. В другой сказке медведь сам придумывает хитрость – чтобы выманить старуху из дома и беспрепятственно «стибрить» овцу, он поет ей под окном песню: «Скрипи, скрипи, скрипочка, на липовой да на ноженьке. И вода-то спит, и земля-то спит, одна бабушка не спит, свою пряжу прядет» [14, с. 25]. Здесь нет отрубленной лапы, сохранилась только песня медведя.

В сказках **четвертого пласта** границы сказки размываются, она переходит в другие жанры.

Еще Е. М. Мелетинский называл былички «предком волшебной сказки» [21, с. 170]. Проблема соотношения былички и сказки была поставлена в 1930-е гг. В. Я. Проппом. В статье «Трансформация сказки» он отметил замкнутость жанровой системы волшебной сказки и малую проницаемость ее для былички. «Совершенно очевидно, что суеверия и местные верования (а, следовательно, мотивы и образы суеверных рассказов – быличек) <...> могут вытеснить собственно сказочный материал» – писал он [22, с. 167].

Среди сказочного фонда, учтенного в «Сравнительном указателе сюжетов: Восточнославянская сказка», к области быличек, по нашему мнению, принадлежит сюжет АТ 366А* «Отрубленный у умершей палец с перстнем». Близок к данному сюжету вариант из сборника Д. М. Балашова «Кислая кума и Пресная кума»: «Умирая, Кислая кума не велит Пресной куме снимать у нее золотой перстень с пальца; та стала снимать, никак, тогда отрубила, стала варить палец (чтобы снять перстень); Кислая кума вышла из могилы и поет:

«Все люди в городе спят,
Все в пригородках спят,
Одна моя кума не спит,
Да одна моя душа не спит,
На печке сидит,
Кудельку прядет,
Мою ручку варит,
Злачен перстень снимат”» [10, с. 253–254].

По мере приближения кумы куплет повторяется, в конце сказки она съедает Пресную куму. С нашим сюжетом сказку связывает песня, повторяющая песню медведя, и то, что Кислая кума приходит за отрубленной частью тела.

Сказка «Сухая нога» была записана от Мезенцевой Галины Степановны в селе Валентиновка Архангельского района Башкортостана студенткой Г. Б. Садыковой в 2008 г. Этот текст ценен для нас тем, что информант знает его с детства и рассказывает в том виде, в каком услышала от своей матери, канонного завершения текста не знает: «*Дело было зимой. Дед пошел в лес, нашел берлогу и отрубил у спящего медведя лапу. Пришел домой, наделали с бабкой пельменей, легли спать. Медведь проснулся, видит – ноги нет. Сделал себе ногу липовую, и пошел искать того, кто его обидел.*

Идет по лесу и бормочет: «Скрипни нога, скрипни, липовая». Пришел к дому деда и снова говорит: «Скрипни нога, скрипни, липовая, отдайте дед с бабкой мою ногу!»

Как мы видим, текст завершается словами в духе детской страшилки «*Отдайте дед с бабкой мою ногу!*». (А вот так разворачивается действие в одной из страшилок: «*У одного мужчины умерла жена. На пальце у нее осталось кольцо, которое никак не могли снять. Тогда муж отрезал перед похоронами ей палец. По ночам к нему стал приходить призрак. В первую ночь она (жена) пришла. А муж спрятался под одеяло. На второй день произошло то же самое. На третью ночь она тихо подошла к нему и заорала: «Отдай мой палец!»*»). Далее информант Г. С. Мезенцева пояснила, что потом ее мама уходила, и они, дети, засыпали. То есть рассказывалась сказка перед сном.

В книге Ф. С. Капицы, Т. М. Колядич «Русский детский фольклор» приводится пример, когда мать уговаривает ребенка лечь спать и поет колыбельную, тоже так или иначе используя текст песни медведя:

«Я на липовой ноге,
На березовой клюке.
“Слыши, бука идет – спи, спи!”
Я на липовой ноге,
На березовой клюке.

*И земля-то спит,
И вода-то спит!
Все по селам спят,
По деревням спят,
Одна баба не спит
Да наша Ванюшка,
И та бабочка не спит,
Мою шерсть прядет,
Мое мясоварит.*

“Спи, вон, вон бука-то за тобой идет. Не дадим тебе, бука, Вани”. Ваня спит. “Иди, бука, прочь. Ванюшка спит!”» [23, с. 54].

Таким образом, сказка о медведе на липовой ноге превращается в схематичный пересказ, завершаясь на манер детских страшилок или даже колыбельных.

Кроме того, этот пласт связан со слоем, в котором медведь, или заменяющий его персонаж, связан с миром мертвых или иной силой.

В варианте из сборника «Фольклор русского населения Прибалтики» [15, с. 48], например, дед, убив волка, приносит его домой, бабка обрывает у него шерсть, как у овчины, топит печь, чтобы мясо сварить. А тут призрак или дух волка (тут непонятно, он именуется просто волк) подходит к первому окну и начинает петь: «*Все курята спят, все гусята спят, Одна баба не спит, мои волны прядет, мое мясоварит, моя шкурка висит*», потом ко второму и третьему окну и все поет ту же песню. Волк съедает и бабку, и деда.

В сказке про Диндука из сборника В. К. Соколовой мать отправляет детей согнать с посевов куриц, за ними увязывается Диндюк (персонаж, вероятно сходный с нечистой силой), который поет песню:

*«Хром, хром, хром.
Деревянная нога.
Хром, хром, хром,
Все люди спят,
Хром, хром, хром,
Одна бабушка не спит,
Хром, хром, хром,
На печи в углу сидит.
Хром, хром, хром,
Она шерстку прядет,
Хром, хром, хром,
На полочку кладет»* [7, с. 116–117].

Диндюк заходит в избу, и инохает воздух. По этому действию можно предположить, что он – нечто неживое, ищет людей по запаху. Баба Яга из другой сказки тоже восклицает: «Фу, фу, фу! Русским духом пахнет!», когда в избе появился Иван-царевич и там запахло живым человеком. Мертвые не способны видеть, они узнают живых по запаху.

Сказка про Диндука заканчивается тем, что дети прячутся от него кто на печку, кто под елку, а сама мать влезает в печку. А мать тут как загремит заслонкой, Диндюк испугался и убежал.

Заключение

Таким образом, структура сказок, включающих в свое повествование архетипический образ медведя, многоаспектна и включает разные пласти: представления о медведе как тотеме; период отмирания культа животных; жанровое пограничье, когда сказка переходит в быличку или детскую страшилку. В результате длительного периода существования сюжета 161А* сказка о медведе на липовой ноге превратилась в схематичный пересказ, завершаясь на манер детских страшилок или даже колыбельных. Кроме того, сказка соотносится с миром мертвых и внушиает

мистический ужас, когда убитый медведь, или заменяющий его волк, предстает в виде духа и мстит своим обидчикам.

Литература

1. Аникин В. П. Русская народная сказка. – Москва : Просвещение, 1997. – 208 с.
2. Ведерникова Н. М. Русская народная сказка. – Москва : Наука, 1975. – 134 с.
3. Медведева Г. В. Медвежий культ и отражение его в устной народной прозе русских старожилов Восточной Сибири: семантика, сюжетно-мотивный фонд нарративов, номинации : диссертация доктора филологических наук. – Иркутск, 2011. – 527 с.
4. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / составители : Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-е, 1979. – 437 с.
5. Русский фольклор Удмуртии: песни, сказки, частушки / составление, вступительная статья и примечания А. Г. Татаринцева. – Ижевск : Удмуртия, 1977. – 223 с.
6. Русский фольклор в Литве / исследование и публикация Н. К. Митропольской. – Вильнюс : Изд-во Вильнюсского гос. ун-та им. В. Капсукаса, 1975. – 430 с.
7. Сказки земли Рязанской / подготовка текстов, вступительная статья, примечания и комментарии В. К. Соколовой. – Рязань : [б. и.], 1970. – 127 с.
8. Северорусские сказки в записях А. И. Никифорова / подготовка к изданию В. Я. Проппа. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1961. – 386 с.
9. Бессонов П. А. Детские песни. – Москва : Типография Бахметева, 1868. – 282 с.
10. Сказки Терского берега Белого моря / подготовка к изданию Д. М. Балашова. – Ленинград : Наука. Ленинградское отд-е, 1970. – 430 с.
11. Вологодский фольклор: Народное творчество Сокольского района / составление, примечания и вступительная статья И. В. Ефремова. – Вологда : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1975. – 263 с.
12. Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX в. / составление, вступительная статья и комментарии Н. В. Новикова. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1961. – 396 с.
13. Великорусские сказки в записях И. А. Худякова / подготовка к изданию В. Г. Базанова и О. Б. Алексеева. – Москва ; Ленинград : Наука, 1964. – 304 с.
14. Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина / подготовка к изданию Т. Г. Ивановой. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1997. – 583 с.
15. Фольклор русского населения Прибалтики / ответственный редактор Э. В. Померанцева ; авторы-составители : А. Ф. Белоусов, Т. С. Макашина, Н. К. Митропольская. – Москва : Наука, 1976. – 246 с.
16. Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И. А. Худяковым. – Иркутск : изд. на средства И. М. Сибирякова, 1890. – Т. I. – Вып. 3. – 216 с.
17. Народные сказки Воронежской области: современные записи / под редакцией А. И. Кретова. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1977. – 176 с.
18. Народные русские сказки и побаски, для детей меньшего возраста : в 2 кн. Кн. 1 / собраны И. Ванченко [псевдоним]. – Москва : Д. Трегубов, 1847. – 287 с.
19. Пинежские сказки / собраны и записаны Г. Я. Симиной. – Архангельск : Северо-Западное кн. изд-во, 1975. – 222 с.
20. Русские народные сказки Карельского Поморья / составление, вступительная статья А. П. Разумовой, Г. И. Сенькиной ; под редакцией И. М. Колесницкой. – Петрозаводск : Карелия, 1974. – 423 с.
21. Мелетинский Е. М. Первобытные источники словесного искусства // Ранние формы искусства : сборник статей / ответственный редактор Е. М. Мелетинский. – Москва : Искусство, 1972. – С. 149–189.
22. Пропп В. Я. Трансформация волшебной сказки // Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. – Москва : Наука, 1976. – С. 165–166.
23. Капица Ф. С., Колядич Т. М. Русский детский фольклор : учебное пособие для вузов. – Москва : Флинта: Наука, 2002. – 320 с.

References

1. Anikin V. P. Russian folk tale. Moscow, Prosveshenie Publ., 1997, 208 p. (In Rus.)
2. Vedernikova N. M. Russian folk tale. Moscow, Nauka Publ., 1975, 134 p. (In Rus.)
3. Medvedeva G. V. Bear cult and its reflection in the oral folk prose of Russian old-timers of Eastern Siberia: semantics, plot-motif fund of narratives, nominations. Dissertation of Doctor of Philological Sciences. Irkutsk, 2011, 527 p. (In Rus.)
4. Comparative index of plots: East Slavic fairy tale. Comp. L. G. Barag, I. P. Berezovsky, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 437 p. (In Rus.)
5. Russian folklore of Udmurtia: songs, fairy tales, ditties. Comp., introd. article and notes by A. G. Tatarintseva. Izhevsk, Udmurtia Publ., 1977, 223 p. (In Rus.)
6. Russian folklore in Lithuania. Research and publication by N. K. Mitropolskaya. Vilnius, Publ. House of the V. Kapsukas Vilnius State University. 1975, 430 p. (In Rus.)
7. Tales of the Ryazan Land. Prep. of texts, introd. article, notes and comments by V. K. Sokolova. Ryazan, 1970, 127 p. (In Rus.)
8. Northern Russian fairy tales in the records of A. I. Nikiforov. Preparation for the publication of V. Ya. Propp. Moscow, Leningrad, Publ. House of the USSR Academy of Sciences, 1961, 386 p. (In Rus.)
9. Bessonov P. A. Children's songs. Moscow, Bekhmetev's Printing House, 1868, 282 p. (In Rus.)
10. Fairy tales of the Tersk coast of the White Sea. Preparation for the publication of D. M. Balashov. Leningrad, Nauka Publ., 1970, 430 p. (In Rus.)
11. Vologda folklore: Folk art of the Sokolsky district. Comp., introd. article and notes by I. V. Efremov. Vologda, North-Western Book Publ. House, 1975, 263 p. (In Rus.)
12. Russian fairy tales in records and publications of the first half of the XIX century. Comp., introd. article and comments by N. V. Novikov. Moscow, Leningrad, Publ. House of the USSR Academy of Sciences, 1961, 396 p. (In Rus.)
13. Great Russian fairy tales in the records of I. A. Khudyakov. Preparation for the publication of V. G. Bazanov and O. B. Alekseeva. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964, 304 p. (In Rus.)
14. Great Russian fairy tales of Perm province. Collection of D. K. Zelenin. Preparation for the publication of T. G. Ivanova. Saint Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 1997, 583 p. (In Rus.)
15. Folklore of the Russian population of the Baltic States. Executive editor E. V. Pomerantsev; authors-compilers: A. F. Belousov, T. S. Makashina, N. K. Mitropolskaya. Moscow, Nauka Publ., 1976, 246 p. (In Rus.)
16. Verkhoyansky collection. Yakut fairy tales, songs, riddles and proverbs, as well as Russian fairy tales and songs recorded in the Verkhoyansk district by I. A. Khudyakov. Irkutsk, Publ. at the expense of I. M. Sibiryakov, 1890, vol. I, iss. 3, 216 p. (In Rus.)
17. Folk tales of the Voronezh region. Modern records. Edited by A. I. Kretov. Voronezh, Publ. House of Voronezh University, 1977, 176 p. (In Rus.)
18. Folk Russian fairy tales and tales, for younger children: in 2 books, book 1. Collected by Ivan Vanenko. Moscow, D. Tregubov Publ., 1847, 287 p. (In Rus.)
19. Pinezhsky fairy tales. Collected and recorded by G. Ya. Simina. Arkhangelsk, North-Western Book Publ. House, 1975, 222 p. (In Rus.)
20. Russian folk tales of the Karelian Pomerania. Comp., introd. article by A. P. Razumova, T. I. Senkina, edited by I. M. Kolesnitskaya. Petrozavodsk, Karelia Publ., 1974, 423 p. (In Rus.)
21. Meletinsky E. M. Primitive origins of verbal art. In: Early forms of art: a collection of articles. Executive editor E. M. Meletinsky. Moscow, Art Publ., 1972, pp. 149–189. (In Rus.)
22. Propp V. Ya. Transformation of a fairy tale. In: Propp V. Ya. Folklore and reality. Selected articles. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 165–166. (In Rus.)
23. Kapitsa F. S., Kolyadich T. M. Russian children's folklore. Textbook for universities. Moscow, Flint, Nauka Publ., 2002, 320 p. (In Rus.)